

В. А. ТОМСИНОВ

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ АНГЛИИ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ТЮДОРОВ

Династия Тюдоров — это пять монархов, правивших Англией с конца XV до начала XVII века: Генрих VII (1485–1509), Генрих VIII (1509–1547), Эдуард VI (1547–1553), Мария I (1553–1558) и Елизавета I (1558–1602/1603)¹. Эпоха их правления обыкновенно

¹ Королева Елизавета Тюдор умерла 24 марта 1602 г. по Юлианскому календарю. По Григорианскому же это был уже 1603 г. До 1 января 1752 г. в Англии применялся при летоисчислении Юлианский календарь, по которому новый год начинался с 25 марта. (См.: Акт о замене Юлианского календаря Григорианским (Act substituting the Gregorian for the Julian Calendar), 1751 г. в издании: English Historical Documents. Vol. X. 1714–1783. Edited by D.B. Horn and M. Ransome. London, 1957. P. 238–241.) В исторической литературе события английской истории XVII в. датируются, как правило, по Григорианскому календарю, принятому в католических странах континентальной Европы в 1582 г. Отсюда нередко происходит путаница. Григорианское летоисчисление опережает юлианское на определенное число дней: применительно к XX в. — на тринадцать дней, к XIX — на двенадцать, к XVIII — на одиннадцать и к XVII в. — на десять. Но это обстоятельство часто не принимается историками во внимание. В результате получается так, что при обозначении дат английской истории год называется по Григорианскому календарю, а день и месяц — по Юлианскому. Например, пишется, что Карл I был казнен 30 января 1649 г. Число и месяц в данном случае названы по Юлианскому календарю, а год обозначен по Григорианскому. Подобная нелогичность допускается и при датировке законодательных актов. Например, «Акт об отмене королевского звания» датируется в хрестоматиях и сборниках документов по истории английской буржуазной революции 17 марта 1649 г., «Акт об отмене Палаты лордов» — 19 марта 1649 г. Логично было бы при датировке тех или иных исторических событий обозначать и год, и месяц по одному и тому же календарю. В та-

характеризуется в исторической литературе как период становления в Англии «сильной королевской власти» — утверждения так называемой «абсолютной монархии»¹. Данная характеристика весьма поверхностна, она не отражает существа тех перемен, которые происходили в указанную эпоху в английском государственном строе. Королевская власть в Англии становилась не «сильной», а другой по своей природе. Одновременно с этим менялась природа и правительства, и парламента. Другим становилось и Английское государство в целом. Эпоха правления Тюдоров — это начало формирования основ современного государственного строя в Англии.

1. Появление понятия государства как политического сообщества, организованного на основе публично-правовых принципов

Время с конца XV до начала XVI века — переходная эпоха в развитии Западной Европы, период преобразования феодального общества в общество буржуазное, формирования нового мирозерцания, нового политического и правового сознания. В истории западноевропейской культуры — это эпоха Ренессанса, в религиозной истории — эпоха Реформации, в политической истории — эпоха модернизации средневекового государства.

Феодальное государство было неотделимо от общества, оно строилось преимущественно как частноправовая корпорация: его

ком случае, если мы в качестве года казни Карла называем 1649 г., то число и месяц должны быть обозначены как 9 февраля. «Акт об отмене королевского звания» должен датироваться соответственно 27 марта 1649 г., а об отмене Палаты лордов — 29 марта 1649 г. Если же мы говорим о 30 января как о числе и месяце казни английского короля, то в качестве года должны называть 1648 г.

В настоящей и нижеследующих статьях по истории Английского государства при обозначении дат тех или иных событий подразумевается летоисчисление по Григорианскому календарю. Оно устоялось в исторической литературе, его придерживается в своих трудах подавляющее большинство современных исследователей английской истории. В тех же случаях, когда упоминаемое мною событие падает по Юлианскому календарю не на тот год, которым оно датируется по Григорианскому календарю, я указываю даты по обоим календарям.

¹ См., например, главу XI «Абсолютная монархия Тюдоров» в книге: *Штокмар В. В.* История Англии в Средние века. СПб., 2000. С. 159–180.

институты растворялись в сословной организации господствующего класса, а функции государственной власти в большинстве своем оказывались производными от прав на землю. По этой причине в средневековой политико-правовой идеологии отсутствовало понятие государства.

В течение XV–XVI веков в Англии шел процесс усиления публично-правовых начал в организации королевской власти и в механизмах ее осуществления. В политико-правовой идеологии эти изменения выразились в утверждении понятия государства как *самостоятельного политического сообщества, организованного на основе публично-правовых принципов*, и в появлении трактовки короля в качестве *политического института*, существующего наряду с королем как физической персоной.

Английское государство мыслилось в Средние века в качестве явления, неразрывно связанного с носителем верховной государственной власти — королем, считалось его принадлежностью. Поэтому для его обозначения в законодательных актах чаще всего применялось выражение «это королевство Англия (this realm of England)» или просто «это королевство». Термин «state» употреблялся в средневековых документах, но исключительно для обозначения *состояния* страны или монарха. Таковым оставался его смысл и в документах первой половины XVI века.

С XV века вместо термина «королевство» в английских политических сочинениях иногда использовался термин «common weal» или «common wealth», но под ним подразумевалось не государство, а скорее объединение различных социальных групп для достижения общего для всех блага. Именно такое значение приписывал словосочетанию «common wealth» английский мыслитель Томас Элиот (*Thomas Elyot*, 1490–1546). В своем сочинении «Книга, называемая Правитель», написанном в 1531 году, он, стремясь точнее определить значение термина «public weal», попытался сравнить его с выражением «common weal». По его словам, «между public weal (публичным благом) и common weal (общим благом) может оказаться такое различие в английском языке, какое следовало бы проводить в латинском между терминами “res publica” и “res plebeian”, и если после этого будет употребляться термин “common weal”, то здесь должны быть или только коммонеры благополучными, а благородные и знатные люди терпящими нужду и убогими, или благородные должны быть исключены, все люди

должны быть одной степени и категории и обеспеченные новым именем»¹.

В значении общего благосостояния королевства употреблялось выражение «*commonwealth*» в Первом Статуте об отмене законов, изданном королевой Марией по восшествии своем на престол — в 1553 году. Здесь говорилось, в частности, об отмене «некоторых статутов, изданных в правление короля Эдуарда VI», повлекших быстрое распространение в английском обществе «множества различных и странных мнений и разнообразных сект, вследствие которых возникло великое беспокойство и большое разногласие, ведущее к нарушению *commonwealth* (общего блага) этого королевства»².

После принятия Акта об ограничении апелляций словосочетание «*commonwealth*» стало использоваться в английских законодательных актах также в качестве синонима термина «*empire*». Например, в Статуте о прокламациях 1539 года было объявлено, что король издает прокламации «для того, чтобы существовало единство и согласие среди любящих и повинующихся подданных этого королевства и других владений, а также заботясь о прогрессе своего *commonwealth* и добром покое своего народа»³.

Во второй половине XVI века в политическом сознании англичан утвердилось представление об Англии как о некоем самостоятельно существующем политическом сообществе, обособленном, с одной стороны, от монарха, а с другой — от сословной организации. В английской политико-правовой идеологии появилось понятие государства. Для его обозначения английские философы и государственные деятели стали применять уже существовавшие в английской лексике термины — «*commonwealth*» и «*state*».

Именно в значении государства — политического сообщества, управляющегося на основе публично-правовых принципов, употреблялось словосочетание «*commonwealth*» в опубликованном в

¹ «And consequently there may appere lyke diuersitie to be in englisshe betwene a publike weale and a commune weale, as shulde be in latin betwene Res publica and Res plebeia. And after that signification, if there shulde be a commune weale, either the comuners only must be welthy, and the gentil and noble men nedy and miserable, or els excluding gentilite, al men must be of one degre and sort, and a new name prouided» (The Boke named The Governour. Devised by Sir Thomas Elyot, Knight. London, 1531. P. A2r).

² Statutes of the Realm. London, 1817. Vol. IV. P. 202.

³ Ibid. Vol. III. P. 726.

1556 году произведении английского епископа Джона Понета (*John Ponet*, 1514 или 1516–1556) «Краткий трактат о политической власти»¹, причем данное словосочетание ставилось здесь иногда в один ряд с термином «state». Так, Дж. Понет писал, обращаясь к читателям: «Вы слышали также о том, как *states, bodies politike* и *common wealthes* имеют власть издавать законы для поддержания политического курса»². Очевидно, что слова «*states*», «*bodies politike*» и «*commonwealthes*» выступали в этом случае как синонимы: все они обозначали понятие государства — правда, в разных его оттенках. В другом месте своего трактата английский мыслитель использовал выражение «*commonwealth*» в одном ряду с терминами «*country*» и «*realm*». «И люди, — утверждал он, — должны иметь больше уважения к своей стране, чем к своему монарху: к государству (*common wealth*), нежели к какой-либо персоне, так как страна и государство (*common wealth*) возвышаются над королем. После Бога люди должны любить прежде всего страну и всё государство (*common wealth*), чем какого-либо его члена: поскольку короли и принцы (будь они и так велики, как никогда) являются всего лишь членами, и государства (*common wealthes*) могут быть в достаточно хорошем состоянии и процветать, хотя в них и не будет королей; напротив же, без государства (*common wealth*) не может быть никакого короля. Государства (*common wealthes*) и королевства могут жить, когда голова отрублена, и могут поставить другую голову, то есть создать для себя нового правителя»³.

Подобным же образом, то есть в значении политического сообщества или государства, применял словосочетание «*commonwealth*» государственный деятель и правовед Томас Смит (*Thomas Smith*, 1513–1577). В трактате «Об Английском государстве (*De Republica Anglorum*)», написанном между 1562–1566 годами, но впервые

¹ Полное название данного произведения Дж. Понета следующее: «Краткий трактат о политической власти и об истинном Повиновении, которым подданные обязаны королям и другим гражданским Правителям, с Воззванием ко всем истинно природным Английским людям». На титульном листе первого издания этого сочинения его автор был обозначен лишь буквами. Не было здесь указано и место издания, однако доподлинно известно, что напечатан был данный трактат в Страсбурге: *A Short treatise of politike pouer, and of the true Obedience which subjectes owe to kynges and other ciuile Gouvernours, with an Exhortacion to all true naturall Englishe men, compyled by D. I. P. B. R. VV. 1556.*

² *Ponet J. A Short treatise of politike pouer... 1556.*

³ *Ibid. Ch. IV.*

напечатанном в 1583 году, он писал о «мутациях и переменах форм правления в государствах (commonwealths)», а также о том, что государство (commonwealth) приспосабливается к природе человека¹.

В 60-е годы XVI века понятие государства вошло в содержание речей, произносившихся на заседаниях английского парламента. Для обозначения данного понятия парламентарии использовали как термин «commonwealth», так и слово «state». Спикер Палаты лордов Томас Уильямс (*Thomas Williams*) говорил в своем выступлении 3 апреля 1563 года², имея в виду Англию, что «это государство (commonwealth) сперва установлено Божественным Провидением»³. Его преемник на посту спикера в новом парламенте Ричард Онслоу (*Richard Onslow*) в речи, произнесенной 2 января 1566 года, говорил о том, что «хорошие законы составляют силу государства (commonwealth)»⁴. О хороших и необходимых законах «как для всего Государства Империи вообще, так и для частной выгоды (as well for the whole State of the Commonwealth in general, as for the private Benefit)»⁵ упоминал в своем выступлении на заседании обеих палат парламента 18 марта 1580 года тогдашний спикер Палаты лордов Джон Попхэм (*John Popham*). В этой же речи он говорил также о «крайних противниках истинной Религии и наиболее зловредных врагах и опасных врагах самой королевской персоны Ее Высочества, Государства (State) и Правительства (Government)»⁶.

Появление в политическом сознании английского общества представления об Англии как о политическом сообществе, существующем независимо от монарха, нашло свое отражение и в новой трактовке государственной измены (high treason). Вплоть до

¹ De Republica Anglorum. The manner of Government or policie of the Realme of England, compiled by Sir Thomas Smyth Knight, Doctor of both the lawes, and one of the principal Secretaries unto the two most worthy Princes, King Edward the sixt, and Queene Elizabeth. Seen and allowed. At London, Anno Domini 1583. P. 28.

² Все даты в этой статье приводятся по Юлианскому календарю, действовавшему в Англии в рассматриваемую эпоху. Новый год по этому календарю начинался 25 марта.

³ A Compleat Journal of the notes, speeches and debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that eminent member of Parliament sir Simond D'Ewes, baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple esq. London, 1693. P. 74.

⁴ Ibid. P. 115.

⁵ Journal of the House Commons. Vol. 1: 1547–1629. London, 1802. P. 137.

⁶ Ibid.

конца XVI века под преступлением этого рода понималось деяние, направленное исключительно против персоны короля¹. В начале XVII века в числе объектов данного преступления стало мыслиться и государство как самостоятельное политическое сообщество. Так, выступая 19 февраля 1600 года на процессе по делу графов Эсексского и Саутгэмптонского, сажант Йелвертон (serjeant Yelverton) назвал их преступление мятежом не только против королевы, но против «всего государства Англии (the whole Estate of England)»². Подобную мысль высказывали и другие участники данного процесса. Например, Фрэнсис Бэкон в ответ на попытки подсудимых доказать, что их действия, представленные как мятеж, не таили в себе какой-либо угрозы королеве, но были направлены исключительно против их личных врагов и имели целью лишь привлечь внимание ее величества к их жалобам, заявил: «Очевидно, что вы, мой лорд Эсекс, посадили в своем сердце претензию против Правительства»³.

Понимание государственной измены (high treason) как преступления не только против персоны монарха, но и против государства окончательно утвердилось в правосознании английского общества во время судебного процесса над участниками так называемого «порохового заговора (gun powder plot)». Группа приверженцев католической веры (*Robert Winter, Thomas Winter, Guy Fawkes* и

¹ Такое понимание государственной измены (high treason) было выражено в Статуте «*De prodicionibus*», посвященном измене (treason) и принятом в 1352 г. См.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Сост. проф. В. А. Томсинов. М., 2004. С. 349–350. В данном законодательном акте государственной изменой объявлялось посягательство не только на самого короля, но и на королеву, старшего сына короля, его старшей незамужней дочери, супруги старшего сына и наследника, канцлера, казначея или королевского судью во время исполнения ими своих служебных обязанностей. Все перечисленные лица были связаны с персоной короля или представляли ее при исполнении своих должностных функций, и именно поэтому посягательство на них рассматривалось как государственная измена. Персона монарха называлась в качестве объекта государственной измены и в актах об измене 1534 и 1571 гг.

² The Trial of Robert Earl Essex, and Henry Earl of Southampton, before the Lords at Westminster, for High Treason, the 19th of February, 1600. 43 Eliz. // A Complete Collection of State-Trials, and Proceedings for High Treason, and other Crimes and Misdemeanours; from The Reign of King Richard II to The Reign of King George II. In six volumes. The third edition, with additions. London, 1742. Vol. 1. P. 198.

³ «It is evident that you, my Lord of Essex, had planted a Pretence in your Heart against the Government» (ibid. P. 204).

др.), недовольных тем, что король Яков I не сдержал своего обещания прекратить притеснения католиков, данного при вступлении на английский престол, замыслила убить его во время выступления на открытии нового парламента. Дата первого заседания парламента неоднократно переносилась и в конце концов была назначена на 5 ноября 1605 года. Его величество должен был прибыть в указанный день на заседание парламента в сопровождении своей супруги и принца. Заговорщики сумели каким-то образом пронести в подвальное помещение парламентского здания 36 баррелей пороха и были готовы взорвать его в тот момент, когда король придет в парламент. Однако государственный секретарь Роберт Сесил узнал об этом заговоре и принял меры для ареста его участников. В результате заговорщики предстали 27 января/6 февраля 1605/1606 года перед судом и были приговорены к смертной казни. Выступая на суде с обвинительной речью, королевский юрист (*sergeant at law*) Эдвард Филипс (*Edward Philips*) назвал в качестве объекта совершенной заговорщиками государственной измены, помимо короля, королевы, принца и их потомства, также государство (*State*) и правительство (*Government*)¹. В свою очередь и генеральный атторней Эдвард Кук в своем обширном выступлении заявил, что эта измена (*treason*)², если бы был осуществлен ее замысел, «навлекла бы полное разрушение и разорение на целое Государство»³.

¹ A true and perfect relation of the whole proceedings against the most barbarous Traitors, Garnet a Iesuite, and his Confederats: containing sundry speeches deliuered by the Lords Commisioners at their Arraignments, for the better satisfaction of those that were hearers, as occasion was offered; the Earle of Northhamptons speech hauing bene enlarged upon those grounds which are set downe. And lastly all that passed at Garnets execution. Imprinted at London by Robert Barker, Printer to the Kings most Excellent Maiestie, 1606. P. C2v. (v. — verso, т. е. обратная сторона страницы. — *B.T.*).

² Э. Кук назвал в своем выступлении эту государственную измену «величайшей изменой, что когда-либо замысливалась в Англии» (*ibid.* P. D2r). Однако в самом английском обществе отношение к «пороховому заговору» 1605 г. не было однозначно отрицательным: у многих англичан замысел взорвать парламент вызывал одобрение. Во всяком случае, о Гае Фоксе, которого схватили рядом с порохом, который он готов был поджечь, за несколько часов до начала парламентского заседания, простые люди в Англии долго говорили, что он был «единственным человеком, который когда-либо входил в парламент с достойными намерениями (*the only man ever to enter Parliament with honourable intentions*)».

³ «...Would bring utter destruction and desolation upon the whole State» (A true and perfect relation of the whole proceedings against the most barbarous Traitors... P. D4r.)

2. Церковная реформа и преобразование королевской власти. Английский монарх как император

Церковная реформа в Англии была юридически оформлена целой серией статутов, принятых королем-в-парламенте. Важнейшими среди них стали Акт об ограничении апелляций (Act for restraint of appeals) 1533 года¹ и Акт о верховенстве (Supremacy Act) 1534 года². Первый из названных законодательных актов признавал Английское королевство империей, управляющейся королем, который имеет статус императора, облеченного Всемогущим Богом всей полнотой власти, привилегией, полномочием, прерогативой и юрисдикцией отправлять правосудие и выносить окончательное решение, касающееся всех резидентов или подданных в рамках этого королевства, по всем делам, предметам, спорам, возникающим в его пределах, без того, чтобы какие-либо иностранные монархи или власти мира ограничили или отменили данное решение³. Согласно же Акту о верховенстве 1534 года короля и

¹ Полное название этого документа: «Акт о том, чтобы апелляции по таким делам, по которым их было принято подавать папскому престолу, применялись отныне только в пределах этого королевства (An act that the appeals in such cases as have been used to be pursued to the see of Rome shall not be henceforth had nor used but within this realm)». См.: Tudor Constitutional Documents. A. D. 1485–1603. With an historical commentary / by J. R. Tanner. Cambridge, 1930. P. 41–46. См. также: Statutes at Large, from the First Year of King Richard III to the Thirty-first Year of King Henry VIII, inclusive. Cambridge, 1763. Vol. IV. P. 257–262.

² Полное название этого документа: «Акт, касающийся того, чтобы его Королевское Величество был Верховным Главой Церкви Англии и имел полномочие осуществлять в ней реформу и исправлять все ошибки, ереси и злоупотребления (An act concerning the King's Highness to be Supreme Head of the Church of England and to have authority to reform and redress all errors, heresies, and abuses in the same)». См.: Act of Supremacy, 1534 // Tudor Constitutional Documents. A. D. 1485–1603. P. 47–48. См. также: Statutes at Large. Vol. IV. P. 312–313.

³ Дословно в Акте об ограничении апелляций 1533 г. говорилось об этом следующее: «Where by divers sundry old authentick histories and chronicles, it is manifestly declared and expressed that this realm of England is an empire, and so hath been accepted in the world, governed by one supreme head and King having the dignity and royal estate of the imperial crown of the same, unto whom a body politick, compact of all sorts and degrees of people divided in terms and by names of spirituality and temporality, be bounden and owen to bear next to God a natural and humble obedience; he being also institute and furnished, by the goodness and sufferance of Almighty God, with plenary, whole, and entire power, pre-eminence, authority, prerogative, and jurisdiction to render and yield justice, and final determination to all

каждого из его наследников было предписано принимать, признавать и считать единственным верховным главой церкви Англии, называемой «*Anglicana Ecclesia* (Англиканская Церковь)»¹.

В Акте о верховенстве 1559 года² повторно закреплялось: «Пусть все узурпаторские и иностранные власть и полномочия, духовные и светские, будут навсегда полностью уничтожены, и никогда не будут их использовать и им повиноваться в пределах королевства или какого-либо владения или какой-либо страны, принадлежащей Ее Величеству; пусть угодно будет Ее Высочеству в дальнейшем установить на основании вышеуказанной власти, чтобы ни один иностранный монарх, лицо, прелат, государство или властелин, духовные или светские, ни в какое время после последнего дня этой сессии Парламента, не применяли, использовали или осуществляли в какой-либо манере власть, юрисдикцию, верховенство, авторитет, преимущество или привилегию, духовные или светские, в пределах этого королевства или владений и стран, которые в настоящее время принадлежат или когда-либо будут принадлежать Ее Величеству, но чтобы с этого времени и впредь все перечисленное было бы полностью отменено в этом королевстве и во всех других владениях Ее Высочества навсегда»³.

manner of folk residents or subjects within this his realm, in all causes, matters, debates, and contentions, happening to occur, insurgе, or begin within the limits thereof, without restraint or provocation to any foreign princes or potentates of the world...» (Act for restraint of appeals // Statutes at Large. Vol. IV. P. 257).

¹ Дословно об этом в Акте о верховенстве 1534 г. говорилось следующее: «...Be it enacted by authority of this present parliament that the King, our sovereign lord, his heirs, and successors, Kings of this realm, shall be taken, accepted, and reputed the only supreme head in earth of the Church of *England* called *Anglicana Ecclesia*, and shall have and enjoy, annexed and united to the imperial crown of this realm, as well *the title* and stile thereof as all honours, dignities, preheminences, jurisdictions, privileges, authorities, immunities, profits, and commodities to the said dignity of supreme head of the same Church belonging and appertaining...» (The King's grace to be authorized supreme head / Statutes at Large. Vol. IV. P. 312–313).

² Полное название этого акта: «Акт, восстанавливающий Короне ее древнюю юрисдикцию над Государством церковным и светским и отменяющий всю иностранную власть несовместимую с ней (An Act restoring to the Crown the ancient jurisdiction over the State ecclesiastical and spiritual, and abolishing all foreign power repugnant to the same)» (см. его текст в издании: *Select Statutes and other illustrative of the reigns of Elizabeth and James I. Fourth edition / Edited by G. W. Prothero. Oxford, 1913. P. 1–13*).

³ *Ibid.* P. 5.

Принимая на себя титул императора и главы англиканской церкви, английский король становился *абсолютным монархом в том смысле, что над ним не было отныне никакой другой политической власти*. При этом новое качество королевской власти, воплотившееся в императорской короне, называлось в Акте об ограничении апелляций 1533 года традиционным, присущим ей с давних времен. В первых его строках отмечалось, что это королевство торжественно объявлялось и называлось «империей» в различных «старинных достоверных историях и хрониках», и таковым оно было признано в мире, то есть управляющимся «одним верховным главой и королем, имеющим достоинство и королевский статус императорской короны» Англии. Подобным же образом и Акт о верховенстве 1559 года представлялся в качестве закона, «восстанавливающего Короне ее древнюю юрисдикцию над Государством». Эти слова выражали не идеологический миф, лишенный реального содержания, но отражали историческую действительность.

В англосаксонскую эпоху английской истории императорское звание принимали на себя такие короли, как Эдред (*Edred* или *Eadred*, 946–955)¹, правивший вслед за ним Эдвиг (*Eadwig* или *Eadwy*, 955–959)², затем Эдгар I (*Edgar I*, 959–975)³, а впоследст-

¹ Императорским титулом король Эдред величался, например, в грамоте 949 г., которой он жаловал своему военачальнику — дуксу (*dux*) Утреду (*Uhtred*) — землю в Бэйкуэле (графство Дерби). «Eadred rex rite Anglorum gloriosissimus rectorque Noðhanhimbra et paganorum imperator Brittonumque (Эдред, король по обычаю славнейших англвов, правитель нортумбрианцев и язычников, император бриттонцев)», — говорилось в этом документе. В грамоте того же года о пожаловании земли воину (*miles*) по имени Ульфкете (*Ulfkete*) Эдред именовался титулом «rex Ængulsæxna ond Norðhumbra imperator paganorum gubernator Brittonumque (король англосаксов и нортумбрианцев, император язычников, правитель бриттонцев)». Подобным титулом Эдред назывался (вплоть до самой своей смерти) и в других документах такого рода. В грамоте 948 г. о пожаловании земли церкви св. Петра и Павла в Винчестере Эдред предстал как «basileus Anglorum (басилевс англвов)», в грамоте же 949 г. о пожаловании земли Кентерберийскому кафедральному собору он выступал как «rex divina gratia totius Albionis monarchus (король божьей милостью всех альбионцев монарх)». Оба этих титула имели императорское значение, хотя термин «imperator» в них отсутствовал.

² Императорский титул Эдвиг унаследовал от Эдреды, поэтому он также звался «rex nutu Dei Angulsæxna et Northanhumbrogrum imperator paganorum gubernator Breotonumque (волей Бога король англосаксов и нортумбрианцев, император язычников, правитель бреотонцев)» (цит. по: Hemingi Chartularium Ecclesiae Wigorniensis / Ed. by T. Hearne. Oxford, 1723. Vol. 1. P. 333).

³ В грамоте о пожаловании земли своему «верному слуге Брихтноту», датируемой 967 г., Эдгар именуется как «munificentia basileos Anglorum et rex atque

вии и Кнут Великий (*Cnut* или *Canut the Great*, на датском: *Knud de Store*, 1016–1035)¹. Но самым первым из англосаксонских королей титул императора примерил на себя правитель королевства Мерсия (*Mercia*, на староангл.: *Mierce*) Коенвульф (*Coenwulf*, 796–821)².

Посредством императорского звания англосаксонские короли стремились закрепить свою власть над чужими племенами и возвыситься над другими королями.

Титулы королей, правивших в Англии в эпохи после нормандского завоевания, поначалу отражали племенной характер их власти. Так, Вильгельм I (1066–1087) — герцог Нормандии, захвативший в 1066 году английский королевский престол, — именовался в документах титулом «*Willelmus Dei gratia Rex Anglorum Dux Normannorum* (Вильгельм, Божьей милостью Король англов, герцог норманнов)»³, но чаще просто как «*Rex Anglorum*»⁴. Виль-

imperator sub ipso domino regum et nationum infra fines Britanniae commorantium (благотворительный базилевс англов и король, а также император и само собой господин королей и народов, в пределах Британии обитающих)» (Hemingi Chartularium Ecclesiae Wigorniensis. P. 371). В грамоте 970 г. о пожаловании земельного участка вдове и монахине по имени Элфсуит (*Ælfswith*) Эдгар величает себя титулом «*divina alubescenti gracia tocius Albionis imperator augustus* (всеблагой божественной милостью августейший император всех альбионцев)». Симеон из Дурхама в своей хронике «*Historia regum Anglorum et Dacorum*», посвященной англосаксонским монархам, только короля Эдгара назвал императором. «Император англианского мира, цветок и слава предшествовавших королей, миролюбивый король Эдгар, не менее памятный для англов, чем Ромул для римлян, Кир для персов, Александр для македонцев, Арзац для парфян или Карл для франков, завершив все королевские дела, покинул этот мир в возрасте тридцати двух лет», — отметил он в записи, датированной 975 г. (*Simeon of Durham. A History of the Kings of England / Translated from the Latin by J. Stevenson. Dyfed, 1987. P. 94*).

¹ «Ego denique Imperator Knuto, a Christo Rege Regum regiminis Anglici in Insula politus», — писал король Кнут о себе в одной из грамот (*Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Conditum a Carolo du Fresne Domino du Cange auctum a monachis ordinis S. Benedicti cum supplementis integris D. P. Carpenterii adelungii, aliorum, suisque digessit G. A. L. Henschel sequuntur glossarium gallicum, tabulæ, indices auctorum et rerum, dissertationes. Editio nova. Niort, 1885. Tomus quartus. P. 304*).

² «Ego... rector et imperator Merciorum regni (Я... правитель и император королевства Мерсии)», — назвал себя Коенвульф в 798 г. в грамоте о пожаловании земли своему военачальнику — дуксу (*dux*) Освульфу (*Oswulf*).

³ См.: *Observations sur les Loix d'Edouard le Confesseur // Anciennes Loix des François, ou additions aux remarques sur les coutumes Angloises. Recueillies par Littleton; Avec les Pieces justificatives des principaux points d'histoire et Jurisprudence traités dans ces Remarques. Par M. Houard. Nouvelle edition. A Rouen, M. DCC. LXXIX (1779). Tome seconde. P. 133*.

⁴ См.: *Haskins Ch. H. Norman institutions. Cambridge, 1918. P. 285*.

гельм II (1087—1100) писался как «*Dei gratia Rex Anglorum*» (титул герцога норманнов унаследовал от Вильгельма I его старший сын — Роберт).

Генрих I (1100—1135) с 1121 года носил титул «*Henricus Dei gratia Rex Anglorum et dux Normannorum* (Генрих, Божьей милостью король англов и герцог норманнов)»¹. Но в некоторых документах последних лет своего правления именовался «королем Англии» (*Henricus Dei gratia Rex Anglie dux Normannorum*)². Его преемник Стефан I (1135—1154) также назывался иногда титулом «Божьей милостью Король Англии» (*Dei gratia Rex Anglie*)³.

В период правления Генриха II (1154—1189) и Ричарда I (1189—1199) термин «*Rex Anglie*», указывавший на территориальный характер королевской власти, еще не вытеснил окончательно из королевского титула словосочетание «*Rex Anglorum*», которое отражало *племенную* ее основу. В одних документах Генрих II именовался как «*Henricus Dei gratia Rex Anglorum Dux Normannorum et Aquitanorum Comes Andegavorum* (Генрих, Божьей милостью Король англов, Герцог норманнов и аквитанцев, Граф анжуйцев)»⁴, в других — как «*Henricus Dei gratia Rex Angliæ Dux Normanniæ et Aquitaniæ Comes Andegaviæ* (Генрих, Божьей милостью Король Англии, Герцог Нормандии и Аквитании, Граф Анжу)». Последний вариант его титула приводится, например, в документе под названием «*Carta Libertatum Angliæ* (Хартия Вольностей Англии)»⁵.

Подобным же образом и король Ричард I величался как титулом племенного короля — «*Ricardus Dei gratia Rex anglorum Dux Normannorum et Aquitanorum Comes Andegavorum* (Ричард, Божьей милостью Король англов, Герцог норманнов и аквитанцев, Граф анжуйцев)», так и короля, властвующего над определенными территориями. В последнем случае его титул имел следующий вид:

¹ Notification by Henry, that with the advice of the archbishops Canterbury and Rouen and bishops and abbots he has decided the controversy between Savigny and Saint-Etienne of Caen concerning Mortain (ibid. P. 294).

² Grant of the Chapter of Rouen of rights in the forest Aliermont (ibid. P. 305).

³ Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ // Anciennes Loix des François, ou additions aux remarques sur les coutumes angloises. Recueillies par Littleton. P. 242.

⁴ Последний титул приведен в документе под названием «*Charta Ricardi Regis Anglie de libertatibus Willielmo Scottorum Regi concessis*» (Ibid. P. 315).

⁵ Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ. P. 262.

«Richardus Dei gratia Rex Anglie, Dux Normanniæ et Aquitaniæ, Comes Andegaviæ (Ричард, Божьей милостью Король Англии, Герцог Нормандии и Аквитании, Граф Анжу)»¹.

Только в период правления Иоанна I (1199—1216) в качестве единственного варианта королевского титула утвердилась формула, соответствовавшая территориальному характеру государственной власти. Иоанн именовался в документах исключительно в качестве короля и сеньора, обладающего властью над определенными территориями, а именно: как «Johannes Dei gratia Rex Angliæ Dominus Hiberniæ Dux Normanniæ et Aquitanniæ Comes Andegaviæ (Иоанн милостью Божьей Король Англии, Сеньор Ирландии, Герцог Нормандии и Аквитании, Граф Анжу)»².

И в дальнейшем титулы английских королей выступали, как правило, в такой форме, которая соответствовала территориальному характеру их власти. Но в некоторых документах использовалась архаичная формула «Rex Anglorum». Так, например, Генрих III иногда именовался как «Henricus Dei gratia Rex Anglorum (Генрих, Божьей милостью Король Англов)»³. Эдуард I величался как «Edwardus Dei gratia rex Anglie dominus Hibernie et dux Aquitanie (Эдуард, Божьей милостью король Англии, сеньор Ирландии и герцог Аквитании)». Титул Эдуарда III писался до 1340 г. на французском языке как «Edward par le grace de Dieu, Roi d'Engleterre, Seigneur d'Irlande et d'Aquitaine (Эдуард, милостью Бога, король Англии, сеньор Ирландии и Аквитании)», а на латыни — «Edwardus, Dei gratia rex Anglie, dominus Hibernie et Aquitanie». После того, как этот английский монарх объявил себя еще и королем Франции (16 апреля 1340 г.), он стал титуловаться как «Edwardus Dei gracia Rex Francie et Anglie et Dominus Hibernie»⁴.

¹ Такой титул приводится в документе под названием «Charta Richardi Regis Angliæ de libertatibus Willielmo Scottorum Regi concessis» (Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ. P. 315).

² Constitutio Regis Johannis de feodis magni Sigilli. A. D. 1199 // Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ. P. 348. Подобная формула королевского титула Иоанна I прописана и во всех документах этого короля, напечатанных в собрании старинных статутов Английского королевства, составленном правоведом господином Генри Спелманом (Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ. P. 351, 352, 353, 367, 368, 369, 372, 373, 376, 377, 378, 379), в том числе и в тексте Великой Хартии Вольностей (Ibid. P. 382, 396).

³ Ibid. P. 426.

⁴ Звание герцога Аквитании в этом титуле уже не указывалось, поскольку поглощалось более высоким званием короля Франции.

Правившие в Англии после Эдуарда III короли Ричард II (1377–1399), Генрих IV (1399–1413) и Генрих V (1413–1422) носили такой же титул: каждый из них именовался в документах как «*par la grace de Dieu, Roy d'Engleterre et de France, et seignour d'Irlande (Dei Gratia Rex Franciae et Angliae et Dominus Hiberniae)*»¹.

Титулом императора — «*Romanorum Imperator*» — величался в Средние века глава Священной Римской империи, избиравшийся германскими курфюрстами. Это звание было весьма привлекательным для английских королей, и некоторые из них стремились любой ценой получить его², но все их усилия оказывались напрасными, поскольку Англия не входила в состав указанного политического образования. Между тем каждый из английских королей вполне мог в то время последовать англосаксонской политической традиции и объявить себя английским императором, однако никто из них (за исключением разве что короля Стефана I³) не принял данного титула (во всяком случае, официально, на основании какого-либо законодательного акта, как это сделал впоследствии Генрих VIII)⁴. Наиболее подходящим объяснением такой позиции королей является, на мой взгляд, то, что в условиях XII–XV веков

¹ Генрих V после заключения 20 мая 1420 г. брака с дочерью французского короля Карла VI и подписания с ним на следующий день в Труае (Troyes) специального договора получил право наследовать королевский престол Франции, и слова «король Франции» были в его титуле заменены, согласно ст. 22 договора на словосочетание «наследник Франции (*hæres Franciæ*)» (*Les grands traits de la guerre de cent ans / Publié par E. Cosneau. Paris, 1889. P. 110*). Статье королем Франции на основании Труаенского договора Генриху V не удалось — 31 августа 1422 г. он умер. Карл VI пережил его на 50 дней.

² Ричард II, например, в своем стремлении добиться провозглашения себя императором Священной Римской империи тратил огромные суммы из королевской казны на подкуп германских магнатов. См. об этом: *Tout T. F. Charters in the administrative history of medieval England. The wardrobe, the chamber and the small seals. Vol. 4. Manchester, 1928. P. 47*.

³ «*Stephanus rex Anglorum Imperatorem*» — такая запись содержится в одной из грамот короля Стефана, датированной 1136 г. См.: *Glossarium mediæ et infimæ latininitatis... Niort, 1885. Tomus quartus. P. 304*.

⁴ Историк Джон Гай в статье «Томас Кромвель и интеллектуальные начала генрицианской революции» утверждает, что императорский титул «был принят Эдуардом I, Ричардом II и Генрихом V». Но при этом он не дает никаких ссылок на материалы, показывающие, что такие случаи действительно имели место (*Guy J. Thomas Cromwell and the intellectual origins of the henrician revolution // <http://www.johnguy.co.uk/history.php?&content=intellectual.html>*). Я пытался найти хотя бы одно сообщение о принятии императорского титула названными королями

титул английского императора никакого дополнительного политического веса к их королевскому титулу добавить не мог. Доминировавшее в политической идеологии Западной Европы раннего Средневековья воззрение на императора как на властителя, который возвышается над королями и способен управлять всем обитающим под солнцем, встречало поддержку и у некоторых идеологов «высокого Средневековья». Его выражал, в частности, профессор римского права в университете г. Болоньи Одофредус (*Odofredus de Denariis*, ?–1265), писавший в своем комментарии к Дигестам Юстиниана, что «принцепс римский потому именуется императором, что должен обладать властью над всем существующим под солнцем»¹. Это воззрение поддерживалось, естественно, и самими императорами Священной Римской империи. Фридрих II заявлял в одной из своих конституций: «Славен в величии своей властности повелитель, чье правление составляет и укрепляет империум... И если мы стоим над королями и королевствами, то возвышаемся только в императорстве»². Высказывали мысль о верховенстве императорской власти над королевской и некоторые канонисты. «Поистине один есть император над всеми королями, и все народы находятся под ним»³, — писал в «Комментарии» на Декреталии итальянский канонист XIII века Хостиенсис⁴. Однако

в документах XIII–XV вв., в том числе в собрании официальной переписки английских властителей с иностранными императорами, королями, понтификами под названием «Фоэдера» (*Foedera. Conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates, ab ineunte Saeculo Duodecimo, viz ab Anno 1101, ad nostra usque Tempora, Habita aut Tractata: Ex Autographis, infra Secretiores Archivorum Regiorum Thesaurias, per multa Saecula reconditis, fidehter Exscripta. Accurante Thoma Rymer... Editio secunda. Tomi I–XX. Londini, 1726–1735*), но не сумел обнаружить в них никаких свидетельств, подтверждающих высказывание английского историка.

¹ «*Quia principes Romanorum vocatur Imperator: quia ipse est qui omnibus subsistentibus sub sole debet posse imperare potest quantum ad temporalia*».

² «*Gloriosus in majestate sua dominantium dominus qui regna constituit et firmavit imperium... Ad hoc nos supra reges et regna præposuit, et in imperiali solio sublimavit*» (цит. по: *Carlyle R.W., Carlyle A.J. A History of Medieval Political Theory in the West. Vol. V. The political theory of the thirteenth century. Edinurgh and London, 1950. P. 142.*

³ «*Unus enim est imperator super omnes reges et omnes nations sub eo sunt*» (цит. по: *Ibid. P. 143*).

⁴ Его настоящее имя — *Henricus de Seguiso*, а *Hostiensis* — это прозвище, данное ему по названию расположенного близ устья реки Тибр города Ости, в котором он был кардиналом-епископом.

значительно более распространенным в западноевропейской политической идеологии XII—XV веков было мнение о том, что титул императора не дает его носителю власти над королями.

В 1202 году это мнение высказал в письме к графу Гильому де Монпелье (*Comte Guilhelm ulu Guillaume de Montpelier*) папа Иннокентий III. Граф просил понтифика узаконить его незаконнорожденного сына с тем, чтобы тот мог унаследовать графский титул и владения своего отца. При этом он ссылался на аналогичный случай с королем Франции Филиппом II Августом. Иннокентий III (*Innocentius III*, 1198—1216) отказал графу в его просьбе, написав в обоснование отказа: французский король «не признает какой-либо светской власти над собой, но он может без ущемления прав других подчиниться нашей юрисдикции»¹. Это послание Иннокентия III в 1230 году было включено в качестве декреталия «*Per venerabilem*»² в состав «*Decretales D. Gregorii papæ IX*. В 1234 году папа Григорий IX (*Gregorius IX*, 1227—1241) своей буллой «*Rex pacificus*» придал этому собранию декреталиев силу канонического закона. В 1253 году папа Иннокентий III (*Innocentius III*) назвал «Декреталии папы Григория IX» «Сводом канонического права (*Corpus Juris canonici*)»³. В самом полном варианте этого свода, который стал с 80-х годов XVI века издаваться в печатном виде, декреталий «*Per venerabilem*» вошел, как и весь сборник «Декреталиев папы Григория IX», в книгу «*Liber extra*». Таким образом, правило, согласно которому король не подчиняется императору, но может подчиниться только папе, было закреплено в качестве принципа канонического права.

Испанский монарх Альфонсо X Мудрый (*Alfonso X el Sabio*, 1252—1284), правивший как король Кастилии и Леона, считал королевскую власть даже более весомой, чем власть императора. В пра-

¹ «*Insuper quum rex ipse superiorem in temporalibus minime recognoscat, sine iuris alterius læsione in eo se iurisdictioni nostrae subiicere potuit et subiecit*» (*Decretales D. Gregorii papæ IX*. Romæ, M. D. LXXXII (1582). P. 1543–1544). Каждая страница данного издания обозначена двумя цифрами, одна из которых расположена слева, другая — справа. Тексты декреталиев расположены в середине страницы.

² «*Per venerabilem*» — это слова, с которых начинается текст этого декреталия.

³ Словосочетание «*Corpus Juris Canonici*» первоначально применялось для обозначения собрания «Декретов Грациана (*Decretum Gratiani*)». *Liber extra: Materiae singulares, quae in variis decretalium glossis adnotantur*.

вовом сборнике «Семь партий (Las siete partidas)», который составил под его наблюдением около 1265 г. юрист Якобо Руис, статусу императора и короля была посвящена специальная глава (*partida segunda, titulo 1: emperadores, reyes y grandes secores*). «Титул императора, — говорилось в ее первом законе (*ley 1*), — обладает высоким достоинством и знатностью и честностью по сравнению со всеми другими, которые могут иметь люди в этом преходящем мире... И мудрецы также говорят, что император является заместителем Бога и осуществляет в империи правосудие в светских делах точно таким же образом, как это делает папа в делах духовных»¹. В пятом же законе (*ley 5*) подобные качества приписывались королю. Он также назывался «заместителем Бога, стоящим над людьми для поддержания правосудия и истины по отношению к делам светским точно таким же образом, как это делает император в своей империи»². Восьмой закон (*ley 8*) гласил: «Мудрость состоит в том, что вся та власть, которую, как прежде говорилось, императоры держат и должны держать над людьми в своей империи, такая именно, что держат короли внутри своих королевств и майоратов; ведь они (императоры. — *B. T.*) не являются лишь сеньорами, живущими на своих землях, но передающими каждый после смерти власть своим наследникам, поскольку держат сеньорию по наследству; то что императоры не осуществляют никакой власти, кроме той, что получают по избранию, также говорилось прежде»³.

Понимание королевской власти как власти, равнозначной императорской, было характерно в рассматриваемое время и для анг-

¹ *Las siete partidas. Partida segunda, titulo 1, ley 1*: «Imperio es grant dignidad, et noble et honrada sobre todas las otras que los hombres pueden haber en este mundo temporalmente... Et otrosi dixieron los sabios que el emperador es vicario de Dios en el imperio para facer justicia en lo temporal, bien asi, como lo es el papa en lo espiritual» *Las Siete Partida. Tomo 2. Partida segunda y tercera. Madrid, 1807. P. 3–4.*

² *Las siete partidas. Partida segunda, titulo 1, ley 5*: «Vicarios de Dios son los reyes cada uno en su regno, puestos sobre las gentes para mantenerlas en justicia et en verdad quanto en lo temporal, bien asi como el emperador en su imperio» (*ibid.* P. 7).

³ *Las siete partidas. Partida segunda, titulo 1, ley 8*: «Sabida cosa es que todos aquellos poderes que desuso deximos que los emperadores han et deben haber en las gentes de su imperio, que esos mismos han los reyes en las de sus regnos et mayores, ca ellos non tan solamente son señores de sus tierras mientras viven, mas aún á sus finamientos las pueden dexar á sus herederos, porque han el señorío por heredad, lo que non pueden facer los emperadores que lo ganan por eleccion, asi como desuso deximos» (*ibid.* P. 9–10).

лийских юристов. Так, Генри Брэктон (*Bracton Henry*, ?–1268) проводил мысль о том, что над королем нет господина, кроме Бога и Закона. «С другой стороны, король сам по себе не должен быть под человеком, — писал он в трактате «О законах и обычаях Англии (*De Legibus Et Consuetudinibus Angliæ*), — но только под Богом и под законом, потому что закон создает королей» (lib. I, cap. 8, f. 5)¹. В условиях господства в правосознании общества таких воззрений монарх не нуждался в титуле императора для утверждения верховенства своей власти — королевский титул давал ему все идеологические и юридические основания властвовать в своей стране в качестве суверенного государя.

В тех случаях, когда Англия покоряла другие страны, управлявшиеся своими королями, верховенство английского короля над ними закреплялось в эпоху «высокого Средневековья» посредством титула феодального сеньора. Так, английские монархи, начиная с Иоанна I, носили помимо титула короля Англии звание сеньора Ирландии — «*Dominus Hiberniae (Seignour d'Irlande)*».

В результате Англия, официально именовавшаяся в Средние века «королевством», фактически являлась империей, а глава этого королевства, носивший титул короля, оказывался в действительности императором. Данный факт был признан в 1517 году Кутбертом Танстолом (*Cuthbert Tunstall*, 1474–1559), который с 1515 года был архидьяконом Честера, а в указанное время исполнял функции королевского посла в Брюсселе. Генрих VIII поручил ему изучить вопрос о возможности для короля Англии занять престол Священной Римской империи вместо императора Максимилиана I Габсбургского (1508–1519), выразившего согласие отречься от престола в случае выплаты ему субсидии. Кутберт Танстол сообщил королю Генриху следующее: «Одним из главных вопросов в избрании императора является то, что избираемый должен быть из Германии, подвластной Империи; в то время как ни ваша Милость не является таковым, ни короли Англии никогда с тех пор, как существует христианская вера, не были подвластны Империи. Но *корона Англии есть Империя в самой себе*, намного лучшая, чем Империя Рима в настоящее время: по этой причине

¹ «Ipse autem rex, non debet esse sub homine sed sub Deo et sub lege, quia lex facit regem» (*Bracton H. De Legibus et consuetudinibus Angliæ* / Ed. by G.E. Woodbine and S.E. Thorne. Cambridge, 1968. Vol. 2. P. 33).

ваша Милость носит куполовидную корону¹. И поэтому, если бы вы были избраны, то так как ваша Милость не из Империи, это избрание было бы недействительным»² (курсив мой. — В. Т.).

Проведенный в тексте Акта об ограничении апелляций 1533 года взгляд на Англию как на королевство, которое являлось империей с самого начала своей истории, не был, таким образом, оригинальным и необычным для английского общества. Он разделялся многими влиятельными сановниками при дворе Генриха VIII. Поэтому объявление Англии империей, а ее короля — императором и главой англиканской церкви не рассматривалось в то время в качестве государственной реформы. Между тем в действительности принятие Акта об ограничении апелляций ознаменовало собой начало процесса модернизации государственного строя Англии, который будет продолжаться вплоть до революции 1640—1660 годов.

Термин «empire» появился в указанном Акте неслучайно. В эпоху «высокого Средневековья» империей называлось христианское государственное образование, объединявшее территории целого ряда европейских стран и мыслившееся в качестве возрожденной Западной Римской империи. Сочетание данного термина с определениями «священная» и «римская» казалось в то время единственно возможным. Вместе с тем Священная Римская империя могла быть только одна: любая другая империя, если бы она вдруг была создана, не считалась бы ни «священной», ни «римской». Но, как было показано выше, никакой необходимости объявлять Англию империей и принимать на себя официальный титул императора у верховных властителей этой страны в ту эпоху не было.

¹ Куполовидную императорскую корону носил и отец Генриха VIII король Генрих VII. Именно в ней он изображался на монетах Английского королевства, чеканившихся с 1487 г. Силуэтом императорской короны была украшена большая печать Эдуарда IV. Сохранился портрет этого монарха с императорской короной на голове: его иллюстрация приведена в конце книги В. В. Штокмар «История Англии в Средние века» (СПб., 2000).

² «One of the chief points in the election of the emperor is that he which shall be elected must be of Germany, subject to [the] Empire; whereas your Grace is not, nor never since the Christian faith the kings of England were subject to the Empire. But the crown of England is an Empire of itself, much better than now the Empire of Rome: for which cause your Grace weareth a closed Crown. And therefore if ye were chosen, since your Grace is not of the Empire the election were void» (Original Letters Illustrative of English History. London, 1825. Vol. 1. P. 136).

Титулы короля и верховного сеньора в полной мере отражали природу их власти и давали им все юридические основания, чтобы править полновластно и самостоятельно. В свою очередь, и государства, которыми они управляли, вполне укладывались в понятия королевства и сеньории.

Церковная реформа Генриха VIII способствовала формированию в Англии государства нового типа. Английский король стал в результате этой реформы независимым от какой-либо внешней власти верховным главой политического организма (*body politic*), наделенным всемогущим Богом всей полнотой властных полномочий в отношении всех лиц, проживающих на территории его королевства, как светских, так и духовных. Термин «*empire*» и появился в Акте об ограничении апелляций 1533 года для обозначения элементов такого государства, которое вполне можно назвать «государством Нового времени». Позднее он будет заменен в данном значении терминами «*state*» и «*commonwealth*».

3. Формирование доктрины двух тел короля: король как физическое лицо и как политический институт

Утверждение в политической идеологии и в праве Англии понятия государства как политического сообщества, управляющегося на основе публично-правовых принципов, влекло за собой коренную перемену и в юридическом статусе короля. Очевидно, что главой такого государства не мог быть монарх со статусом и прерогативой средневекового короля, выступающего преимущественно в качестве сеньора и связанного с управляемым им политическим сообществом, главным образом, частноправовыми отношениями.

Поскольку власть главы государства в средневековой Англии покоилась в значительной мере на частноправовых основаниях, постольку носитель ее рассматривался в политической идеологии и праве исключительно как физическое лицо. Это порождало немало опасностей для государства, главная из которых возникала вследствие смерти короля. Для вступления на престол нового короля требовалось какое-то время: в результате государство оказывалось на определенный срок лишенным главы. Этот период, называвшийся с древнеримских времен *интеррегнумом* (*interregnum*),

был самым тревожным в истории многих средневековых государств, и в том числе Англии¹.

Как и любой другой сеньор, король в средневековой Англии не мог быть преследуемым в своем собственном суде. При этом, однако, вполне допускалось, что он может совершить преступление. Освобождение короля от ответственности за правонарушение наступало только потому, что в распоряжении истцов или обвинителей не было суда, посредством которого можно было бы заставить его платить штраф или нести какое-нибудь другое наказание. У. Холдсворс привел в третьем томе «Истории английского права» несколько случаев, показывающих, что и в XIV, и в XV веке английскими правоведами предполагалось, что король может совершить правонарушение². По его словам, воззрение, согласно которому «король, будучи главой государства, является тем не менее физическим лицом без какой-либо разновидности двойной правоспособности, способствовало сохранению влияния феодальных идей, которые в течение всего этого периода окрашивали людские политические взгляды»³.

Первая попытка представить короля в качестве не только физического лица, но и политического института, нашла свое выражение в принятом в 1495 году «Акте, по которому никакое лицо, идущее с королем на войну, не будет обвинено в измене (An Aacte⁴ that noe pson going wth the Kinge to the Warres shalbe attaint of treason)». Согласно этому акту лицо, присягнувшее королю и принявшее во исполнение присяги участие в войне на его стороне, освобождалось от ответственности за государственную измену перед другим королем⁵. Таким образом, по смыслу акта не имело никакого значения, какому физическому лицу — носителю королевского звания оказывалась помощь в ведении войны: основанием для освобождения от ответственности за измену было объявление лицу с королевским титулом.

¹ В одной из англосаксонских хроник следующим образом описывается период интеррегнума, наступивший после смерти Генриха I: «Вскоре несчастье распространилось по стране, так как каждый человек, если мог, немедленно грабил другого».

² *Holdswoth W. History of English Law. London, 1966. Vol. 3. P. 465–466.*

³ *Ibid. P. 468.*

⁴ Я сохраняю правописание оригинального текста данного акта.

⁵ *The Statutes: Revised edition. London, 1870. Vol. 1. P. 363–364.*

В период правления Эдуарда VI (1547–1553) возникла юридическая проблема, необходимость удовлетворительного разрешения которой подвигла английских юристов развить заложенную в Акте об измене 1495 года мысль о короле как политическом институте. Молодой государь передал в аренду на 21 год доставшиеся ему от его отца и предшественника на троне Генриха VIII земельные угодья в герцогстве Ланкастер (duchy Lancaster). В 1553 году он умер, не достигнув совершеннолетия, и на престол вступила Мэри Тюдор, его сестра и дочь Генриха VIII от брака с Екатериной Арагонской. В 1558 году Мэри умерла и королевой стала Елизавета Тюдор, дочь Генриха VIII от брака с Анной Болейн. Обнаружив, что земли герцогства Ланкастер сданы Эдуардом VI в аренду, Елизавета обратилась к судьям Королевской Скамьи (King's Bench), Общих Тяжб (Common Bench), баронам Казначейства (Exchequer), Ассизы в ланкастерском графстве Палатин (Assize in the County Palatine of Lancaster) и другим правоведам с просьбой ответить на вопрос, обязывает ли ее величество заключенный королем Эдуардом VI договор о передаче ланкастерских земель в аренду или же он должен быть признан недействительным по той причине, что Эдуард не достиг совершеннолетия и не имел дееспособности для заключения подобных договоров.

Подобный вопрос ставила в свое время перед судьями Палаты герцогства (Duchy Chamber) королева Мэри, но судьи не успели до ее смерти вынести решение. Поэтому первое обсуждение данного вопроса состоялось только в четвертый год правления королевы Елизаветы. Рассмотрев на своем заседании факты, касающиеся статуса земель герцогства Ланкастер, судьи единогласно решили, что королева не может отказаться от договора аренды, заключенного Эдуардом VI, на том основании, что он был несовершеннолетним. Во-первых, все судьи согласились, что «по common law никакой акт, совершаемый королем в качестве короля, не может быть аннулирован по причине его несовершеннолетия, так как король имеет в себе два тела, а именно: тело естественное (body natural) и тело политическое (body politic). Его естественное тело (если его рассматривать в самом себе) является телом смертным, подверженным всем слабостям и случайностям, которые сопутствуют естеству, глупости малолетства или старости (imbecility of infancy or old age), и всем подобным недостаткам, свойственным естественным телам других людей. Но его политическое тело яв-

ляется телом, которое нельзя увидеть или потрогать, состоящее из политики и правительства и учреждаемое для руководства народом и управления государством (в оригинале: *public-weal*), и это тело полностью лишено малолетства, и старости, и других недостатков и глупостей, которым подвержено естественное тело, и по этой причине то, что король совершает в своем политическом теле, не может быть лишено законной силы или расстроено какой-либо недееспособностью его естественного тела, и поэтому его жалованные грамоты (*letters-patent*), предоставляющие полномочия или юрисдикцию, или дающие земли или держания, которые он издает как король, нельзя аннулировать по причине его несовершеннолетия»¹.

Далее в решении пояснялось, что король «имеет естественное тело, украшенное и облеченное королевским статусом и достоинством, и он не имеет тела естественного, отличного и отделенного само по себе от королевской должности и достоинства, но тело естественное и тело политическое вместе неразделимы, и эти два тела инкорпорированы в одной персоне и создают одно тело, а не разные, то есть тело корпоративное в теле естественном *et e contra* (и, напротив) тело естественное в теле корпоративном. Так что тело естественное посредством присоединения к нему тела политического (которое содержит королевскую должность, правительство и королевское величие) увеличивается и путем указанной консолидации имеет в себе тело политическое, по этой причине акты, совершаемые королем относительно вещей, которыми он владеет или которые наследует в теле естественном, требуют соблюдения того же самого ритуала и порядка, как и относительно вещей, которыми он владеет и которые наследует в политическом теле, так как вещь, находящаяся во владении, не имеет такого значения, чтобы изменить природу королевской персоны, но персона, ею владеющая, изменяет способ обращения с вещью, находящейся во владении»².

Дальнейшее развитие доктрины двух тел короля в английской юриспруденции было связано с делом Роберта Кальвина

¹ The Commentaries, or Reports of Edmund Plowden, of the Middle-Temple, esq. An Apprentice of the Common Law, containing divers cases upon matters of Law, argued and adjudged in the several Reigns of King Edward VI. Queen Mary, King and Queen Philip and Mary, and Queen Elizabeth. To which are added the Quaeries of mr. Plowden. In two parts. Part I. London, 1816. P. 212a–213.

² Ibid. P. 213.

(Calvin's case)¹, шотландского ребенка, родившегося вскоре после того, как король Шотландии Яков VI стал еще и английским королем по имени Яков I. В 1607 году опекуны Роберта Кальвина — Джон и Уильям Паркинсон — подали в Суд Королевской Скамьи и в Канцлерский суд два иска о возвращении их подопечному принадлежавших ему на правах фригольда и незаконно у него отобранных двух земельных участков на территории Англии. Оба ответчика оправдывали свои действия тем, что Роберт Кальвин, будучи в Англии чужестранцем, не присягал на верность Якову I как английскому королю и по этой причине не имел права держать землю в этой стране. Очевидно, что в условиях, когда Англия и Шотландия сохраняли свой статус двух самостоятельных государств, несмотря на то, что управлялись одним и тем же королем, решение этой проблемы зависело от понимания сущности королевской власти. Если короля рассматривать в качестве исключительно физической персоны, то присяга Якову VI как шотландскому королю автоматически означает присягу ему и как королю английскому. Если же короля трактовать в качестве политического тела, то присяга королю Шотландии Якову VI не является одновременной присягой ему как английскому королю.

В качестве консультанта истцов в этом деле выступал знаменитый философ и правовед Фрэнсис Бэкон (*Francis Bacon*, 1561—1626). Он отстаивал мнение о том, что естественное тело короля и его политическое тело — неразделимы, и при этом цитировал высказывание судей по делу о договоре передачи Эдуардом VI в аренду земель герцогства Ланкастер, согласно которому в короле имеется не одно политическое тело, но есть тело естественное и тело политическое, инкорпорированные в одной персоне².

Мнение Фрэнсиса Бэкона поддержал в своем решении по делу Кальвина Эдуард Кук, в то время Главный судья общих тяжб (Chief Justice of the Common Pleas). В своем выступлении он задался

¹ По некоторым свидетельствам, подлинное имя человека, давшего повод для указанного дела, писалось как Colville, но при рассмотрении дела оно было записано как Calvin.

² «There is in the King not a body natural alone, nor a body politic alone, but a body natural and politic together: Corpus corporatum in corpore naturali, et corpus naturale in corpore corporato» (цит. по: The Argument of sir Francis Bacon, Knight, His Majesty's solicitor-general, in the case of the Post-Nati of Scotland // The Works of Francis Bacon / Collected and Edited by James Spedding, R. L. Ellis, D. D. Heath. Vol. 15. New York, 1864. P. 231).

вопросом, какому телу — политическому или естественному — приносится присяга в верности¹, и показал, что присяга дается королю как естественному телу и, следовательно, подданные Англии и Шотландии присягают одному и тому же суверену.

Указанный вывод подкреплялся не только логикой, но также историческими фактами. В средневековом английском праве король мыслился как исключительно естественное тело, физическое лицо, и поэтому именно с этим качеством короля были связаны феодальные атрибуты его власти, в том числе и привилегия требовать присяги себе от своих подданных. Идея же политического тела короля выражала новые тенденции в эволюции государственного строя Англии, появившиеся в первой половине XVI века.

Опираясь на эту идею, английские правоведы стали со второй половины XVI века создавать юридическую конструкцию королевской власти, соответствовавшую государству Нового времени. Король в этой конструкции оказывался бессмертным и непогрешимым, неспособным совершать правонарушения. Судьба королевства, в форме которого выступало в Средние века Английское государство, в огромной степени зависела от короля как физического лица. Судьба нового Английского государства, обозначавшегося терминами «state» и «commonwealth», была связана, главным образом, с качествами короля как политического тела. Это преимущество новой конструкции государственного строя хорошо понимали английские правоведы. Джон Марш (*John Marsh*, 1612—1657), например, писал весной 1642 года: «Так как существует такое взаимное и взаимозависимое отношение между королем и его королевством, что один не может существовать без другого, потому что если позволить королевству быть разрушенным, король должен по необходимости также рухнуть. Если господин умирает, его отношение со слугой неизбежно должно прекратиться: так как эти родственники не могут существовать один без другого. И если королевство ослабевает, король и скипетр должны неизбежно рухнуть вниз. И это есть частичное основание для той правовой политики в деле Кальвина (7 Rep[orts]) (Эдуарда Кука. — В. Т.), по которой король является телом политическим, чтобы не

¹ Дословно Э. Кук сказал на процессе следующее: «Seeing the King hath but one person, and several capacities, and one politic capacity for the realm of England, and another for the realm of Scotland, it is necessary to be considered, to which capacity ligeance is due».

было бы интеррегнума, так как тело политическое никогда не умирает»¹.

Признание короля публично-правовым институтом влекло за собой настоящий переворот и в вопросе королевской прерогативы. В средневековом английском праве правомочия, преимущества и привилегии королевской власти привязывались к королю как физическому лицу — теперь прерогативами должен был обладать и король как политическое тело.

4. «Революция в управлении». Преобразование Королевского совета в Тайный совет. Перемены в местном управлении. Новые тенденции в развитии парламента

На практике в рассматриваемую эпоху совершался переход от *монархии персональной*, при которой король управлял страной как личным своим хозяйством, то есть с помощью домашних слуг и самолично вникая во все государственные дела, к *монархии институционной*, в условиях которой управление страной осуществлялось королем преимущественно через посредство специально созданного для этого исполнительного аппарата государственной власти, то есть бюрократическими методами.

В исторической литературе произошедшая в XVI веке трансформация государственного строя Англии определяется иногда как «революция в управлении». Одним из первых употребил этот термин Жюфрей Элтон (*Geoffrey Elton*): он назвал «революцией» административные реформы Генриха VIII. В своей книге, посвященной этим реформам, английский историк сделал вывод о том, что шестнадцатый век «был временем не столько перехода, сколько революции в администрации». Он отметил, в частности, что «Генрих VII вззошел на трон королевства, которое управлялось по-средневековому, тогда как Елизавета передала своему наследнику стра-

¹ *Marsh J.* An argument or, debate in law: of the great question concerning the militia; as it is now settled by ordinance of both the Houses of Parliament. By which, it is endeavoured, to prove the legalitie of it, and to make it warrantable by the fundamentall laws of the land. In which, answer is also given to all objections that do arise, either directly, or collaterally concerning the same. All which is referred to the judicious reader. L., 1642. P. 27.

ну, управляющуюся современным образом. Многие произошло, многое было изобретено незадолго до этого, многое претерпело глубокие перемены в переходном столетии, даже если значительная часть была при этом сохранена. Мы близки к тому мнению, что шестнадцатое столетие видело создание современного суверенного государства: дуализм государства и церкви был разрушен победой государства, корона восторжествовала над своими соперниками, парламентский статут восторжествовал над абстрактным правом христианства, и замкнутое национальное сообщество стало не молчаливо принимаемой необходимостью, какой оно было в течение некоторого времени, но сознательно желаемой целью. В ходе этой трансформации был создан исправленный вариант правительственной машины, принципом устройства которой стала бюрократическая организация вместо личного контроля короля и скорее национальное управление, чем управление королевским имуществом. Реформированное государство базировалось на отрицании средневековой концепции королевства как королевского имущества, его частного дела, управляемого соответственно его частной организацией; оно понимало свою задачу в качестве национальной, свою опору и сферу как общенациональную и поэтому обособляло свои административные нужды от королевского домовладения»¹.

Развивая выдвинутую Жофреем Элтоном концепцию «революции в управлении», Джон Гай (*John Guy*) высказал мнение о том, что «тюдоровский период и его институты должны рассматриваться как целое, чтобы надлежащим образом понять значение как генрицианской, так и елизаветинской эпох»². Сущность изменений в английском государственном управлении в тюдоровские времена этот историк описал следующим образом: «В то время, как Генрих VII лично управлял своим королевством из своих покоев и частного кабинета и проверял каждую страницу своих домовых счетов, Елизавета глубоко вникала только в самые главные политические решения и важные государственные дела, оставляя массу рутинных административных и финансовых дел членам Тайного Совета, которые одновременно брали на себя функции правителей в графствах, сначала в качестве мировых судей, а затем, во

¹ *Elton G. R. Tudor Revolution in government: Administrative Changes in the Reign of Henry VIII. Cambridge, 1962. P. 3–4.* Первое издание этой книги вышло в свет в 1953, последующие переиздания в 1959, 1960, 1962 и 1991 гг.

² *Guy J. Tudor England. Oxford, 1988. P. VII.*

времена войны с Испанией, и как наместники. Самый значительный сдвиг был сделан от не обособленного от домовладения управления королевскими доходами при Эдуарде IV и Генрихе VII к диверсифицированному менеджменту посредством многочисленных налоговых ведомств при Генрихе VIII и Кромвеле¹ и в конце концов к корпоративному, основанному на казначестве, фискальному менеджменту посредством Тайного Совета при Елизавете. Поэтому тезис о том, что имела место тюдоровская «революция в управлении», понятен при условии, если периодизация перемен прудлевается до смерти Елизаветы»².

Сходное представление о трансформации английского государственного строя в течение XVI века выразил историк Нил Вуд, который написал в своей книге, посвященной взглядам на государство в тюдоровской Англии, что Генрих VII, правивший с 1485 до 1509 года, «лично руководил делами государства через королевское домовладение, как это делали средневековые монархи с незапамятных времен. Путем ловкого управления множеством различных феодальных органов, включая широкий совет, он был в состоянии крепкой хваткой держать государственное предприятие и добиваться сотрудничества самых крупных магнатов королевства. Ко времени правления Елизаветы королевское домовладение не являлось более центром правительственной власти. Королева направляла политический курс, но каждодневное управление оставила своему Тайному Совету, относительно малому кругу доверенных должностных лиц, служивших как коллективный орган (при частых консультациях с парламентом), деятельностью которого руководили главные государственные секретари с помощью маленького бюрократического аппарата»³.

Употребляя термин «революция» применительно к изменениям в государственном строе Англии, происходившим на протяжении XVI века, историки стремятся подчеркнуть тем самым их *качественный* характер. И надо признать: реформы Генриха VIII и политика королевы Елизаветы I действительно вносили существенные перемены в конструкцию английской государственной влас-

¹ Здесь имеется в виду Томас Кромвель (1486–1540) — английский государственный деятель-реформатор.

² *Guy J. Tudor England*. P. 157.

³ *Wood N. Foundations of Political Economy: Some Early Tudor Views on State and society*. Berkeley, 1994. P. 11.

ти. Однако перемены эти были постепенными, новые элементы государственного строя не заменяли собой элементы традиционные, но дополняли их. Поэтому революционность тюдоровской модернизации английского государственного строя была лишь частичной. Способ, которым она проводилась, предполагал не разрыв с традицией, характерный для всякой *революции*, но ее сохранение и опору на нее, что типично именно для *эволюции*.

На основе традиционных управленческих структур и как результат дальнейшего их развития формировался в тюдоровской Англии и тот бюрократический исполнительный аппарат королевской власти, создание которого в работах историков Жоффрея Элтона и Джона Гая представляется одним из главных элементов тюдоровской «революции в управлении». Его ядром стал Королевский совет, сложившийся в качестве самостоятельного, обособленного от королевских судов и парламента, государственного органа к 70-м годам XIV века. В его состав входили высшие должностные лица государственного управления и королевского двора: канцлер (Chancellor), казначей (Treasurer), управляющий двором (Chamberlain), хранитель гардероба (keeper of the wardrobe), судьи, бароны казначейства (barons of the Exchequer), клерки канцелярии. Кроме того, в Совете обыкновенно присутствовали несколько рыцарей и лиц из духовной и светской знати. В течение XVI века Совет постепенно обособился от королевского двора и приобрел внутреннюю организацию и функции настоящего правительства. Его состав уменьшился за столетие более чем в десять раз. Если при Генрихе VII в нем было 227 членов, а в первые два десятилетия правления Генриха VIII число советников сократилось до 120, то с 1536 до 1547 года их количество не превышало 19, в 1548 году их стало 22, в 1552-м — 31, при Марии Тюдор — 50, в период же правления Елизаветы I Совет стал еще более узким по составу: в 1559 году в него входило 19 человек, в 1597-м — всего 11, в 1601 году — 13 членов¹. Яков I расширил состав Совета до 23 человек.

Должностные лица королевского двора продолжали входить в состав Совета, но не они определяли характер его деятельности, а высшие должностные лица государственного управления. Большинство последних были выходцами не из аристократии, как это было в XIV и XV веках, но из коммонеров — социальных групп,

¹ Guy J. Tudor England. P. 310.

представители которых формировали Палату общин. Эта перемена была обусловлена во многом тем, что значительная часть английских аристократов погибла во время гражданской войны 1455–1485 годов, но она отражала также стремление королевской власти формировать свой Совет из лиц, материальное положение которых в большей мере зависело от доходов, получаемых за государственную службу.

Новую сущность Королевского совета, который стал именоваться Тайным советом (*Privy council*), ярче всех из его членов воплощали государственные или главные секретари (*Principal Secretary*) — должностные лица, специально предназначенные для ведения его дел. По словам Г. У. Протеро, «эти должностные лица, которых было в это время обыкновенно двое, являлись характерными инструментами тюдоровской системы. Их происхождение в действительности далеко уходит в прошлое, но их политическая важность датируется установлением тюдоровской автократии и указывает на, мы почти вправе это сказать, начало правительства в современном смысле»¹.

К началу XVII века в рамках Тайного совета наметилась определенная специализация. Так, юридические функции сосредоточились в руках лорда-канцлера (*Lord Chancellor*), лорда-хранителя Большой печати Англии (*Lord Keeper of Great Seal of England*)² и одного из главных судей (*Chief Justice*); финансовые — в ведении лорда-казначея (*Lord Treasurer*) или канцлера казначейства (*Chancellor of the Exchequer*), религиозными вопросами заведовали архиепископ и епископы, морскими делами управлял лорд — высокий адмирал (*Lord High Admiral*), формировавшейся военной организацией — руководитель кавалерии (*Master of the Horse*) и руководитель артиллерии (*Master of Ordnance*), королевским дво-

¹ *Prothero G. W.* Introduction // *Select Statutes and other illustrative of the reigns of Elizabeth and James I.* P. C. (цифра 100 латинскими буквами).

² В 1563 г. был принят «Акт, объявляющий полномочия Лорда-Хранителя Большой печати Англии и Лорда-Канцлера одинаковыми (*An Act declaring the authority of the Lord Keeper of the Great Seal of England and the Lord Chancellor to be one*)». Он установил, что лорд-хранитель Большой печати Англии всегда имел, имеет и будет иметь в качестве правомочия, принадлежащего должности, ту же самую юрисдикцию и преимущества, какие всегда имел, имеет и будет иметь лорд-канцлер Англии, как если бы лорд-хранитель Большой печати являлся какое-то время лордом-канцлером Англии (*Select Statutes and other illustrative of the reigns of Elizabeth and James I.* P. 441).

ром заправляли казначей домовладения (Treasurer of the Household), контролер домовладения (Comptroller of the Household), управляющий двором (Chamberlain) и лорд-камергер (Lord Steward).

Один из государственных секретарей, а именно: Роберт Сесил (*Robert Cecil*), превратился в начале XVII столетия в должностное лицо, близкое по своему значению к главе правительства — премьер-министру. В введении второго секретаря — Джона Герберта (*John Herbert*) — были сосредоточены функции министра иностранных дел. Он должен был знать, например, о «всех договорах с иностранными монархами, о действиях и переговорах послов к Ее Величеству и от нее», «хранить письма иностранных монархов к королеве и ответы, данные на них», в его ведении была заграничная разведка¹ и т. д.

При вступлении в свою должность члены Тайного совета клялись «быть верным и преданным Ее Королевскому Величеству», «хранить тайну всех дел», открываемых им как советникам Ее Величества². Но это совсем не означало, что данный орган не был самостоятельным в некоторых своих действиях. Именно Тайный совет сыграл главную роль в передаче английского королевского трона от Елизаветы I, умершей 24 марта 1602 года — буквально накануне нового года, который по действовавшему тогда в Англии Юлианскому календарю начинался 25 марта, к шотландскому королю Якову VI, ставшему в Англии королем Яковом I. По словам историка Христофера Ли, «Роберт Сесил и его клерки не стали ждать до 1603 года, чтобы многое понять в природе монарха. Сесил подготовился к наследованию [трона] задолго до марта 1603 года»³.

Яков I не забыл оказанной ему Робертом Сесилом услуги и оставил его на прежнем посту. А поскольку особого желания вмешиваться в текущие административные дела новый английский король не испытывал, то первый секретарь получил свободу действий, которой не имел при королеве Елизавете. Тайный совет превратился при Якове I во влиятельный государственный орган.

К этому времени в Англии сложились элементы новой, бюрократической по своему характеру системы местного управле-

¹ Duties of a Secretary (26 April, 1600) // Select Statutes and other illustrative of the reigns of Elizabeth and James I. P. 166–168.

² The oath of the Privy Councillor // Ibid. P. 165.

³ Lee Ch. 1603. A Turning Point in British History. London, 2003. P. 202.

ния. Наиболее значимым среди них был институт наместников (Lord-Lieutenants), возникший в период правления Генриха VIII, но получивший настоящее развитие лишь при Елизавете I. Властные полномочия, которыми эта королева наделяла своих наместников, превращали их в подлинных военных губернаторов. Они получали право в случае войны или мятежа созывать и собирать в армейские подразделения всех подданных, какого бы состояния, сословия и достоинства они ни были, проживавших в пределах вверенного им графства¹. Наместники имели на местах заместителей или помощников и действовали в контакте с шерифами и мировыми судьями, роль которых как королевских должностных лиц местного управления существенно возросла в XVI веке.

Назначенные из представителей английской знати, наместники входили в состав Тайного совета: они являлись одновременно и должностными лицами центрального правительственного аппарата, а значит и членами Палаты лордов. С другой стороны, многие мировые судьи становились членами Палаты общин. Английский парламент был в этих условиях местом, где скатывались в единый клубок нити центрального и местного управления.

Разложение феодальных структур в странах Западной Европы в течение эпохи Возрождения означало, в сущности, разрушение традиционных форм самоорганизации общества. Заменить их можно было в тех условиях только механизмами государственной власти. Развитие же этих механизмов предполагало в первую очередь усиление их ядра, которым повсеместно была королевская власть.

Во Франции усиление королевской власти могло идти лишь по пути расширения и совершенствования подчиненного монарху бюрократического исполнительного аппарата. Французский сословно-представительный орган — Генеральные штаты — был оторван при своем рождении от корней: властных органов, существовавших на местах — провинциальных штатов. С другой стороны, он не сросся и с королевской властью до такой степени, чтобы она не могла существовать без него. Верховная государственная власть

¹ См.: Commission of Lieutenancy // Select Statutes and other illustrative of the reigns of Elizabeth and James I. P. 154–156. Приведенный документ датирован в указанном сборнике законодательных актов 1558-м годом, между тем в заключении его говорится, что он принят «в Уэстминстере, в 15-й день июня, в 27-й год нашего правления». Названный год правления Елизаветы I соответствует 1585 г.

во Франции воплощалась в Средние века исключительно в персоне короля и институте короны.

Иная ситуация сложилась в Англии. Здесь еще в эпоху высокого Средневековья сформировалась конструкция верховной государственной власти, при которой король был неразрывно связан с парламентом. Более того, с точки зрения юридической доктрины английской верховной власти, король мыслился неотъемлемой частью парламента — одной из корпораций (*estates*), существовавшей наряду с корпорациями (*estates*) общин (*commons*), лордов духовных и лордов светских¹. В связи с этим усиление королевской власти в Англии неизбежно предполагало и должно было вылиться в возрастание значения парламента как государственного органа. Так и произошло на самом деле. Генрих VIII и особенно королева Елизавета I сознательно действовали в направлении упрочения парламентской организации, сознательно стремились придать парламентской деятельности больше эффективности. Одним из результатов этого стремления стала, в частности, институционализация парламентских привилегий. Еще в 1515 году спикер, следуя практике предшествовавшей эпохи, просил у короля свободы слова и доступа к его персоне с прошениями только для себя². В 1542 году спикер Мойль обращался с просьбой предоставить свободу слова всем членам парламента. В 1554 году спикер просил короля дать парламентариям свободу от ареста, свободу слова и свободу доступа к персоне Ее Величества. При открытии сессии первого парламента правления Елизаветы I спикер взывал к ней с просьбой разрешить парламентариям пользоваться их «древними свободами». А в 1562 году спикер Палаты лордов Уильямс говорил о соблюдении «древней привилегии» парламента, которая заключается в том, чтобы парламентарии «могли оставаться на свободе, быть открытыми и свободными от ареста, приставаний, беспокойств или другого вреда их телам, землям, имуществам или слугам, обладая при этом всеми другими своими свободами в течение сессии настоящего парламента, посредством которых они смогли бы лучше выполнять свой долг». В заключение же спикер ска-

¹ См. об этом: *Томсинов В. А.* Государственный строй Англии накануне революции 1640–1660 гг. Статья первая // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11 «Право».* 2006. № 3. С. 3–21.

² *Select Statutes and other illustrative of the reigns of Elizabeth and James I.* P. LXXXVII.

зал: «Все привилегии, которых я желаю, могут быть записаны, как это было принято в другие времена»¹.

В 1584–1589 годах в рамках парламента существовал специальный комитет по вопросам парламентских привилегий². Такой комитет действовал и в парламентах, созывавшихся Яковом I и Карлом I. Во времена правления этих монархов тема парламентских привилегий стала одним из главных предметов спора между ними и парламентариями.

20 июня 1604 года на обсуждение членов Палаты общин был вынесен документ под названием «Апология», который намечалось направить от имени парламента в адрес короля Якова I. Парламентарии стремились выразить этим документом протест против высказанных его величеством мнений о том, что они обладают привилегиями не по праву, а исключительно по милости короля, возобновляемой для каждого парламента с помощью петиции. В «Апологии» говорилось, в частности: «Мы, рыцари, горожане и жители бургов из Палаты Общин, собравшиеся в парламенте и от имени всех Общин королевства Англии с единым согласием для нас и нашего потомства, выражаем протест против этих утверждений, наимилостивейший суверен, ведущих прямо и очевидно к полной ликвидации самых фундаментальных привилегий нашей палаты, а с ними прав и свобод всех Общин вашего королевства Англии, которыми они и их предки несомненно пользовались с незапамятных времен при наиболее знатных прародителях вашего Величества»³. Приведенное обращение к королю Якову I не получило большинства голосов в Палате общин и не было направлено в его адрес, тем

¹ A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simond D'Ewes, Baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple Esq. London, 1693. P. 66.

² Ibid. P. 429.

³ Apology of the House of Commons, 20 june, 1604 // Select Statutes and other illustrative of the reigns of Elizabeth and James I. P. 287. Начальная часть данной «Апологии» напечатана в первом томе «Журналов Палаты общин». См.: The Apology directed to the King's most excellent Majesty: from the House of the Commons, assembled in Parliament // The Journals of the House of Commons. Vol. 1. London, 1802. P. 243. Полный же текст этого документа приводится только в «Парламентской истории Англии», составленной Уильямом Коббеттом. См.: Apology of the House Commons, made to the King, touching their Privileges // The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. 1: A. D. 1066–1625. London, 1806. Col. 1030–1042.

не менее содержание этого документа весьма интересно как новая ступень в осознании парламентариями сущности парламентских привилегий. Их происхождение относится к незапамтным временам. Это свидетельствует о том, что парламентские привилегии стали рассматриваться парламентариями как обычаи их предков. С этим взглядом на привилегии была связана и трактовка их в качестве «самых фундаментальных привилегий» Палаты общин.

Подобный взгляд на парламентские привилегии проводился и в петиции о праве (*petition de droit*) королю Якову I, рассмотренной в Палате общин 23 мая 1610 года. В ней говорилось о «древнем и фундаментальном праве свободы парламента (*ancient and fundamental Right of the Liberty of the Parliament*)» при обсуждении всех вопросов, касающихся подданных и их владений, имуществ и каких бы то ни было прав. «Мы считаем древним, общим и несомненным правом парламента, — заявляли депутаты, — дебатировать свободно все вопросы, которые касаются подданного и его права или состояния; если свобода дебатов будет однажды ликвидирована, сущность парламента в тот же момент растворится. И в то время, когда, как в данном случае, право подданных находится на одной стороне, а прерогативы вашего Величества — на другой, то невозможно в дебатах отделить одно от другого; мы утверждаем, что такого рода прерогативы вашего Величества, прямо затрагивающие права и интересы подданных, должны ежедневно подниматься и обсуждаться во всех Судах¹ *Уэстминстера* (*in all Courts at Westminster*); и всегда свободно дебатироваться при всех подходящих обстоятельствах, как в этом, так и во всех прежних парламентах без ограничений: если это запретить, то для подданного будет невозможно как узнать, так и защищать свое право и право собственности на свои земли и имущества»².

Вопрос о парламентских привилегиях увязывался парламентариями в приведенной петиции с вопросом о королевских прерогативах. И это не случайно: король и парламент были в условиях Англии неразрывно связаны между собой и являлись в сущности своей важнейшими рычагами единого механизма властвования.

¹ В тексте, напечатанном в издании: *Parliamentary Debates in 1610* / Edited from the notes of a member of the House of Commons by S. R. Gardiner. London, M. DCCC. LXII (1862). P. 40 вместо слов «*in all Courts at Westminster*» стоят слова «*in all your Highnes' Courts of Westminster*».

² *The Journals of the House of Commons*. Vol. 1. London, 1802. P. 431.